

И. А. Бунин
(1870-1953)

Без преувеличения можно сказать, что личность и творчество Ивана Бунина уникальное явление не только русской, но и мировой литературы XX века. Вряд ли кто может встать вровень с этим удивительным человеком и художником (современником Л. Толстого и Чехова, а затем Твардовского и Паустовского) по масштабу увиденного, передуманного, запечатленного в поэзии и прозе.

Потомок обнищавшей захудалой помещичьей семьи, с молодых лет познавший муки унижительной нужды, Бунин всю жизнь кичился своим генеалогическим древом. По свидетельству Муромцевой (жены) ему было приятно, что она называла его Яном, ибо это напоминало, что род его восходит к какому-то весьма давнему литовцу, перешедшему столько то веков тому назад на «ратную службу» к именитому русскому князю и особенно льстило ему, что в роду значились поэтесса А.П. Бунина и знаменитый поэт Жуковский.

Русским писателям Бог судьбу лепит по одному стереотипу. Родиться положено где-нибудь в среднерусской полосе, в семье дворянской, но чаще уже обедневшей, но с сохранившейся усадьбой, домом, деревнями.

Отец достается обычно странный, круто нравный, суровый и через чур веселый, мот и гуляка вроде Алексея Николаевича Бунина (отца), мелкопоместного дворянина, успевшего и хозяйство разорить, и наследство спустить, и женино приданное.

Алексей Николаевич жил настоящим, совершенно не умел унывать. Много пил, иногда в одиночестве, бывал и буен во хмелю. Хозяйством занимался спустя рукава, долги росли. Отец был беспечен и расточителен, жил не по средствам, любил клуб, вино, карты.

В доме отца даже во времена крепостничества никого не наказывали. Никаких наказаний не существовало и для детей.

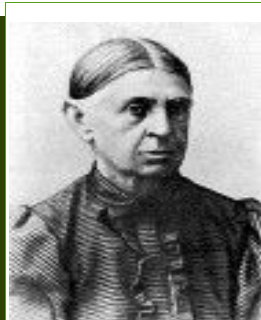
Мать же чаще всего существо тихое, женственное, доброе и нежное. Звалась она Людмилой Александровной. Была образована, любила поэзию. Ее грустная поэтическая душа была глубоко религиозной, а все ее интересы сосредотачивались на семье, главное на детях. Характер она имела меланхолический, часто плакала, грустила. Все это отражалось на впечатлительном мальчике.

Уравновешивал грустную атмосферу дома отец. Он когда не пил, за столом бывал весел и оживлен, хорошо рассказывал, представлял все в лицах.

Нрав 10-летнего Бунина являл смещение характеров и отцовского и материнского. Худой, тонкий в кости, узколицый, красивый синеглазый мальчик мог быть отчаянно смел, боек, говорлив, насмешлив-это отцовское. А от начитанной, религиозной печальной маменьки(из 9-ых детей 5-ро умерли, хозяйство вечно в упадке) мальчику привились задумчивость, любовь к красоте и природе. Даже в имени матери-Людмила-Бунину всегда

*А.Н.Бунин,
отец писателя*

*Л.А. Бунина,
мать писателя*

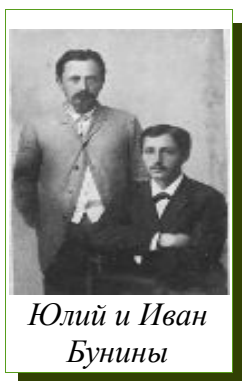
чудилось пушкински-далекое, символическое. Бунин очень любил мать. Всю жизнь был ей предан, сколько мог, всегда помогал. Она тоже отличала его среди других детей, чувствовала его необычность.

Детство Бунина было однообразным без особых событий.

«Младенчество свое я вспоминаю с печалью. Может быть мое младенчество было печальным в силу некоторых частных условий. Может от того, что рос я в великой глуши. Пустынные поля, одинокая усадьба среди них... Зимой безграничное снежное море, летом-море хлебов, трав и цветов... И вечная тишина этих полей, их загадочное молчание».

Бунин фиксирует в себе необычно раннее ощущение одиночества.

По семейным преданиям уже в 8 лет маленький Ваня сочинял стихи.

Юлий и Иван
Бунины

Огромное влияние на его формирование, помимо матери оказали еще два человека. Первый- это старший брат Юлий Алексеевич Бунин. Он был очень умен, целенаправлен. Поступил в университет, кончил курс, потом перешел еще на юридический. Ему прочили научную карьеру, но он увлекся другим: без конца читал Чернышевского, Добролюбова, вступил в революционное движение, ушел в народ. Был арестован, ожидал некоторый срок, затем сослан в родные места. Так что Ваня мальчиком встретился с братом, пережившим уже не мало. Долгие прогулки с ним, долгие беседы, оказали на младшего брата особое влияние. Так осталось потом на всю жизнь: дружить с Юлием, во всем советоваться, слушать, получать его помощь.

Вторая заметная фигура-Ромашков Николай Осипович. Среди многочисленных друзей и соседей отца был помещик Ромашков.

Был Николай Осипович начитан, образован, кончил курс в Лазаревском институте восточных языков в Москве, носил парик, ел только хлеб с горчицей под водочку, с Людмилой Александровной говорил по французски. Она была рада: вот мол, пусть и Ваню обучит. И Николай Осипович сделался домашним учителем. И возможно благодаря ему Ваня стал лучше различать и понимать взрослых людей.

Но все же в том, что касается учения, главную роль играл Юлий Алексеевич.

И еще одно детски-отроческое важное событие: смерть младшей любимой сестры Саши. Смерть сестры резанула по душе так резко, что не изгладилась потом никогда.

Когда Ване исполнилось 11 лет, его отправили в Елец, в гимназию. Благодаря памяти и ранней начитанности учился он сначала хорошо. Мог с одного прочтения запомнить стихотворение в целую страницу, если оно его интересовало, а вот арифметика, алгебра его не интересовали (кто и когда из поэтов мог понять, почему $a+v=c$). Так что не по всем предметам он успевал, в третьем классе оставался на второй год. В общем гимназию он не окончил, и учился потом самостоятельно под руководством старшего брата.

Учась в гимназии он жил на квартире у разных людей, в том числе у тетушки Веры Аркадьевны. Она была веселая, общительная: каждый вечер

полно народу, вся местная богема: актеры, офицеры, дамы, самовар весь день не сходил со стола. Ваню поразили бритые, говорливые актеры, благодаря им он по контрамаркам стал ходить в театр, пересмотрел все, что можно.

Но ему все же было очень тяжело в дали от своей семьи, родных просторов. Все это привело его к душевному и физическому таянию. Город был оставлен, обучение прервано. На 4 года он поселился в Елецком поместье Озерки, доставшимся от бабушки. Здесь в тиши, уединении он открывает для себя классиков-Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого.

Но из-за материальных затруднений семьи Иван Алексеевич вынужден был покинуть родные места. Сначала он уезжает вслед за Юлием в Харьков. Здесь он попал в среду для него новую и странную. И брат здесь был иным. Чем в деревне: не тихим и серьезным, а веселым и разговорчивым, душой большой компании молодежи. Ваню приняли, но юноша он был очень непокладистый, не скрывал своего отрицательного отношения к тому, что ему не нравилось, бросался в споры со всеми. Жили бедно, часто проводили вечера в спорах, слушали музыку. Ваня возненавидел революционные песни.

«Пьют, поют, едят, без усталости болтают и спорят. Большинство из них бездельники. Всем возмущаются, всех критикуют, а сами».

Тем более не могли ему понравиться идеи, о которых без конца там шла речь: об освобождении, свержении самодержавия, воле для народа.

Бунин разумеется не знал пролетариата, города, но уж русский народ, мужика он знал достаточно.

Из Харькова он переезжает в Орел и начинает работать в газете «Орловский вестник». Нередко он был фактическим редактором: печатал в ней свои рассказы, стихи. Жил он этим литературным трудом и очень нуждался.

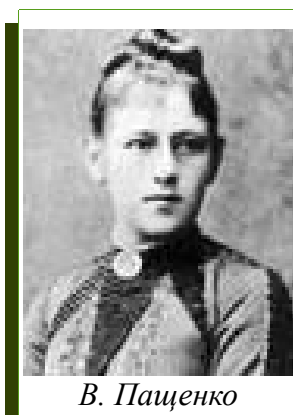
Первая его сильная любовь, первая гибельная схватка с Женщиной случилась в редакции этой газеты.

Здесь он знакомится с Варей Пащенко. Вся история его первой любви к Варваре Пащенко, дочери доктора, изложена отдельной повестью в «Жизни Арсеньева»-пятая часть под названием «Лица». Перечитайте «Лику». На свете много книг о любви. Все книги о любви. Но самых лучших, может наберется всего 5-6. Даже если только пять-среди них окажется «Лица» Ивана Бунина. Проверьте.

В самой жизни роман развивался так же счастливо и мучительно.

Иван с Варей переезжают к брату Юлию в Полтаву. Бунина устроили в управу библиотекарем, и Варю туда же на 15 рублей жалования. Но из семейной жизни в самом деле ничего не вышло.

Дело упиралось в самое житейское, примитивное: доктор Пащенко, ревнивый отец, высоко ставивший достоинство дочери, никак не хотел видеть в 19-летнем мальчишке жениха, мужа, который подходил бы его Варе. Она тоже была девушка с норовом, носила пенсне, привыкла к куче поклонников, при всей своей эмансипации никогда не хотела пойти против воли отца. У нее в конце

В. Пащенко

концов не хватило сил на борьбу. Поэту нужен слушатель, сподвижник, все понимающий, чувствующий как он сам. Варя Пащенко была девушкой слишком земной, практической, поэзия и литература были для нее высокими материями. А тут Иван Алексеевич увлекся еще и толстовцами, уехал в Харьков. Возле Вари оказался их старый друг Арсик Бибииков, в имении которого, в начале своего романа они провели несколько счастливых дней. Теперь Арсик сделал предложение и Варвара приняла его. Варя попросту бежала. Оставив Бунину сакраментальную записку: *«Уезжаю Ваня, не поминай меня лихом»*.

Вера Николаевна Муромцева писала в своей книге, что потом всю жизнь у них в обиходе гуляла эта фраза. Это была смертельная рана, Бунин так страдал, что родные опасались за его жизнь. Письма самого Бунина свидетельствуют о крайней степени отчаяния. Он кинулся на поиски беглянки к ее отцу, который бесцеремонно его выпроводил. Оба брата сопровождали несчастного Ваню, опасаясь его самоубийства. Разрыву с Пащенко Бунин посвятил стихотворение

Если б только можно было
Одного себя любить
Если б прошлое забыть,-
Все, что ты уже забыла,
Не смущал бы, не страшил
Вечный сумрак, вечной ночи
Утомившиеся очи
Я бы с радостью закрыл

Но.. время лечит.

После «бегства» Пащенко, он оставил службу в Полтаве и уехал в Петербург, а затем в Москву. Теперь он входил в литературную среду. Было много встреч с писателями.

Из всех своих современников Бунин в полную силу признавал лишь двух писателей: Чехова, которого любил нежной любовью, и Льва Толстого, перед которым преклонялся даже с некоторой робостью. Непостоянный в своих отношениях к людям, памяти Чехова и Толстого он всю жизнь оставался верен.

В литературе начавшегося десятилетия с выходом новых книг, он завоевывал признание как один из лучших писателей своего времени. Выступал он главным образом со стихами.

У Бунина было очень мало любовной лирики, и вообще своего, личного в поэзии. За все время 4-5 стихотворений, в которых одной-двумя строками затронута любовная тема. Он говорил, что не мог писать о любви, по сдержанности, стыдливости, скрытности натуры. Непопулярность его стихов-в их отвлеченности и скрытности, чего не любит рядовой читатель, ищущий в поэзии прежде всего обнажения души.

В тоже время очень трудно согласиться с Буниным, не принимавшим многих современных ему поэтов. Как он мог не принять и свысока смотреть на Блока, Цветаеву, Ахматову. Ругал Есенина. Ни слова лестного. Гумилева, Пастернака будто и вовсе не существовало, он они были, были. Уж вровень то стояли с ним. Нет, молчание, отказ, неприятие.

Чем же объяснить такое неприятие? Упрямым, ядовито-желчным характером? Отсутствием какого-либо смирения, гордыней, чрезмерно высокой самооценкой, не позволявшей поставить кого-либо вровень с собой или выше себя.

Приходится признать, что жизнь отомстила Бунину тем, что по сей день многие мало читают и ценят его как поэта, всячески превознося его прозу.

Он много путешествовал. Увлекался разными девушками и женщинами и особенно после разрыва с Варей; по прежнему хотелось любви, оставалась неутоленной потребность в человеке близком, любящем и любимом.

Обида, ревнивое чувство отмщения, отравленная любовь к Варе вскоре толкнули Бунина в другую историю, не менее печальную.

Из многих городов, по которым он бродяжничал, Бунин особенно любил Одессу. Здесь Бунин подрабатывая в газете «Одесские новости», стал часто

Анна Цакни

бывать в семье редактора этой газеты, одесского грека Н.А. Цакни. Его 20-летняя дочь Аня была истинная красавица, пышноволосяя, большеглазая. Бунин гулял с Аней, ужинал с нею, но между делом меркантильно прикидывал, каковы доходы папаша Цакни и не будет ли со временем возможность прибрать к рукам его популярную газету. Главное-заглушить, изжить в душе горькую память о Варваре.

Сидя с Аней вечерами у моря, он читает ей стихи, целует руки. У девушки есть цель. «Мамаша» так же ведет атаку на потенциального жениха-она то нюхом чует его незаурядность, его перспективность. Он женится на Ане Цакни. Но, из семейной жизни, однако, опять ничего не получилось. Она запиралась от мужа в своей комнате, «мамаша» влезала в каждую мелочь, и Бунин более всего хотел лишь одного-бежать.

Через три месяца после свадьбы в письме к жене он уже признается:

«Хотел бы я любить людей, и есть во мне любовь к человеку, но в отдельности, ты знаешь я мало кого люблю».

Как же было в действительности? Незадолго до свадьбы Бунин сообщает брату Юлию про свою будущую жену:

«Она красавица,, но девушка изумительно чистая и простая, спокойная и добрая. Это говорят все, давно знающие ее».

Через год в письме к тому же брату он жалуется:

«Это осиноый кол какой-то. Она глуповата и неразвита, как щенок».

В августе 1900 года Анна Николаевна родила сына Колю, который прожив до 5 лет, умер от скарлатины, но еще в марте-по настоянию Анны произошел полный разрыв. И он потряс Бунина.

Недавно сетовавший, что жена его «осиноый кол», глуповатый и недоразвитый щенок, ныне в отчаянии пишет тому же брату Юлию:

«... если бы не слабая надежда на что-то, рука бы не дрогнула убить себя. И знаю почти наверно, что этим не здесь, так в Москве кончится. Описывать свои страдания отказываюсь, да и не к чему. Но я погиб-это факт свершившийся. Давеча я лежал часа три в степи и рыдал, и кричал,

ибо большей муки, большего отчаяния, оскорбления и внезапно потерянной любви, надежды всего, может быть не переживал ни один человек. Подумай обо мне и помни, что умираю, что я гибну-неотразимо. Как я люблю ее, тебе не представить... Дороже у меня нет никого».

Через 32 года Бунин отзовется о ней так *«особенной любви у меня никакой не было, хотя она и была очень милая».*

И где среди всего этого нагромождения противоречий истинный Бунин? Он истинен и изменчив во всех своих состояниях, порождаемых его одиночеством, страхом одиночества и гордыней, заставлявшей даже кичиться отрешенностью от людей. Через несколько лет после двойного крушения, ухода-одна за другой двух истово любимых им женщин, Бунин создаст стихотворение «Одиночество», одно из лучших в его поэзии.

Между тем литературная слава его продолжает расти. Главное место в творчестве Бунина занимала Россия, русская деревня, русский быт, русский характер. Многомиллионная разноликая Русь встает со страниц бунинских книг. Думы его о России и народе звучат актуально и по сей день. «Суходол», «Деревня»-самые заметные, пронзительно-правдивые его произведения. В них говорилась горькая правда о Руси, правда на которую никто не решался. Бунин говорил о вековой отсталости, косности и дикости, о загубленности жизнью и судеб, о вине не кого-то, социальной и классовой, а самих людей обладателей и носителей конкретных характеров, исконно, исторически, генеалогически русских, со всеми их качествами и пороками свитыми воедино.

Споря с теми, кто идеализировал народ, он пытался трезво разобраться в его достоинствах и пороках, пытался понять, почему так легко гибнут люди на Руси, почему повсеместно царят бесхозяйственность и бытовая неустроенность. Он винил не только правительство, дворян, крепостное право, но и сам народ, хотя одновременно видел не только вину, но и беду людей, которые только всего 50 лет назад были освобождены от крепостного права.

Выводы Бунина неутешительны: жизнь в России находится в глубочайшем кризисе, нужны радикальные изменения, от поведения миллионов зависит судьба страны и народа, но к самостоятельной гражданской деятельности народ не готов.

С великим мужеством и горечью свидетельствовал Бунин, какую бездну преград предстоит сделать России и народу: не только экономических, социальных, бытовых, но и нравственных, психологических.

В чем же выход? Кто поможет русскому народу проявить лучшие свои качества? Бунин отвечает мнением народным:

«Народ сам сказал про себя: из нас, как из древа,-и дубина, и икона, в зависимости от обстоятельств, от того кто это древо обрабатывает,-Сергий Радонежский или Емелька Пугачев».

Свою новую неожиданную любовь Иван Алексеевич встретил в 1906 году в Москве-это была Вера Николаевна Муромцева, дочь члена Московской городской управы. Познакомились они в семье Бориса Зайцева, уже известного в ту пору писателя. Вера Николаевна была красивая московская барышня,

весьма образованная, окончившая естественный факультет Высших женских курсов, самостоятельная, прекрасно знавшая литературу, театр, музыку, владела несколькими языками. Была моложе Бунина почти на 10 лет. Конечно, она была совсем другой тип женщины, другой характер, нежели эмансипированная и революционно настроенная Варя, носившая пенсне и всегда вступающая в отчаянную борьбу за «принципы», или наивная провинциальная одесситка Аня Цакни, терявшаяся перед мощным напором Бунинского ума, не понимавшая его главной страсти-любви к литературе. Вера Николаевна удивительно быстро нашла ключи к страстной и неумолимой натуре Ивана Алексеевича, очень скоро стала ему подлинным другом, женой, заботливой и всепонимающей. У них начался красивый роман, типично московский-с театрами, концертами.

Они не могли сразу пожениться: не был расторгнут брак с Цакни. И произошло их венчание много лет спустя, в 1922 году, уже в эмиграции. Они прожили вместе 46 лет. Бунин женился на В.Н. Муромцевой и сразу отправился с нею в увлекательное путешествие. Свадебную поездку он назовет «благословенными днями» своей жизни. Однако вот какой разговор произошел между ними. Он ей сказал, что его дело пропало, что вряд ли он что-нибудь еще напишет, поэт не должен быть счастливым, должен жить один, и чем лучше ему, тем хуже для писания. Чем лучше ты будешь, тем хуже.

В.Н. Муромцева

«В таком случае я постараюсь быть как можно хуже», - сказала ему Муромцева смеясь, а у самой сердце сжалось от боли.

Жить с ним было очень непросто. «Князь» было доподлинное прозвище Бунина. Человек властный, своенравный, он любил все делать по-своему, подчинял жизнь жены и всех близких своему режиму ежедневной, как правило с раннего утра работы. Не терпел пререканий, скандалов, перепалок, хотя сам позволял и ворчать и капризничать. Характер имел не самый легкий. Но способен был тут же шутить, дурачиться, изображать по-актерски, талантливо, в лицах разных знакомцев. В молодости он до того мастерски пародировал и шаржировал знакомых, что даже удостоился приглашения от самого Станиславского войти в труппу художественного театра.

А вообще Бунин был запальчив, горд, щепетилен насчет чести, соблюдения приличий. Не терпел лжи, фальши, чурался не интересных, не талантливых людей.

Особенно строг был в оценках литературных, в литературе сам держался в особь, берег свою оригинальность, свою личность. Бунин с упрямой настойчивостью подчеркивал свое пребывание вне всего: партий, литературных течений, традиций.

Не представляло бы смысла останавливаться на подобных субъективных качествах Бунина, не будь они неотъемлемой особенностью его творчества. Ведь одиноки и его герои, отрешенно живущие под изменчивым, но всегда загадочно-прекрасным небом. Печаль одиночества всегда пребывала в творчестве писателя. Даже когда он получил Нобелевскую премию это не помешало ему в традиционной благодарственной речи сказать:

«Я был бы не искренен, ежели бы сказал, как говорят в подобных случаях, что это было наиболее сильное впечатление во всей моей жизни. Справедливо сказал великий философ, что чувства радости, даже самые резкие, почти ничего не значат по сравнению с таковыми же чувствами печали».

А вообще говоря о Нобелевской премии, надо сказать, что он был первым русским писателем, который ее получил в 1933 году.

По отзывам свидетелей Бунин держал себя, на церемонии вручения не хуже короля. Таких писателей здесь еще не видели. Но не обошлось без нелепостей. Секретарь Бунина выронил нобелевскую медаль, которую передал ему подержать Бунин и медаль покатила по полу; среди ног присутствующих, лаковых башмаков помощник ползал, ловил ее. Затем он же оставил на каком-то кресле портфель, где лежал чек на получение премии. К счастью, позже портфель нашелся.

Перед самой революцией личная жизнь писателя идет довольно бурно, активно, можно сказать радостно. Его много издают, читают, знают-он известен в кругу не только профессионалов-писателей, но и читающей публики. Слава Богу он теперь обеспечен, нищенская юность позади, он может позволить себе все, что хочет. Единственное, чего у них нет с Верой Николаевной-своего дома.

Видно на роду ему было написано, навсегда-кочевать, жить по гостиницам, гостям, чужим городам. У Бунина была страсть к путешествиям и бродяжничеству всю жизнь. Путешествовали они с Верой Николаевной по Италии, Турции, Греции, Палестине, Алжиру и пр.

Октябрьская революция 1917 года не явилась для писателя неожиданностью, он опасался, что победа большевиков приведет Россию к катастрофе. Отношение Бунина к революции известно: «Окаянные дни» назвал он свой беспощадный дневник 1917-1918 г.г. «Окаянный дни»-книга-проклятие революции. Бунин покинул Россию не приняв революции. Между тем он был далек и от врагов Советской власти.

Вторую половину жизни он прожил во Франции, куда он уехал вместе с Верой Николаевной в 1920 году. Сначала они жили в Париже, а затем переехали в Грасс, на Ривьеру. Но думы о России, о ее судьбе не покидали его до конца дней.

Бунин говорил, что *«он не может жить в новом мире, что он принадлежит к старому миру, к миру Гончарова, Толстого, что поэзия только там, а в новом мире он ее не улавливает».*

В эмиграции, в Париже, вышел сборник рассказов Бунина «Господин из Сан-Франциско». Это издание будто взорвало общество-и читавших, и не читавших Бунина прежде.

Бунина читают Р. Роллан, Томас Манн, Андре Жид, Эрих Мария Ремарк. В 1922 году Р. Роллан выдвинул кандидатуру Бунина на Нобелевскую премию.

За 33 года жизни в эмиграции Бунин не только много писал, но еще много выступал, читал на литературно-благотворительных вечерах. Его критиковали, его многие не любили, не принимали, но он мало обращал на это внимания. Особенно клевали его когда было объявлено о его Нобелевской. Москва не

только не поздравила его, наоборот делали все возможное, чтобы повлиять на Шведскую академию, чтобы помешать Бунину получить премию.

Всего в эмиграции писатель написал 10 новых книг. И одна из них «Жизнь Арсеньева».

Вера Николаевна писала подруге:

«Ян в периоде запойной работы... Целый день, не отрываясь, пишет. Как всегда в эти периоды, он очень кроток, нежен со мной в особенности, иногда мне одной читает написанное- это у него большая честь. И часто повторяет, что я единственная».

Бедная женщина, ей так хочется, чтобы все так было. Но только, к сожалению для нее, уже совсем другая вдохновляла Ивана Алексеевича в эту пору, и что он более другой, и рассказывал, и советовался, и нежные слова говорил.

И звалась она Галиной Кузнецовой. Он познакомился с ней а Париже. Ему было 56 лет, ей не исполнилось и 30. Появление Галины Кузнецовой

Г. Кузнецова

явилось серьезным ударом для стареющей жены Ивана Алексеевича. Его предстояло пережить. К моменту знакомства с Кузнецовой, Бунин прожил с Верой Николаевной более 20 лет. Галя влекла к себе неудержимо: молодостью, мягкостью, веселым нравом, фиалковыми зовущими влюбленными глазами.

Она пробовала себя в литературе. То, что она писала, стихи и рассказы, было пока слабо, но он уверил себя в ее способностях и талантливости, почему и взял ее в ученицы, и Бог знает как уговорил Веру Николаевну, чтобы ей жить прямо у них, в доме. Говорить с Галей можно было часами. Все ему в ней нравилось, чем далее, тем более.

Галина была нужна Бунину как понимающая и преданная метру ученица: она глядела ему в рот, все принимала в нем, во всем была согласна. С нею повторялось тоже, что было когда-то и с Верой Николаевной, но Галина, скажем прямо, была все же молода, своенравна и заставляла его изрядно мучиться.

Он не мог работать, потому что мысли о старости, о смерти, отравляли сердце. Он продолжал любить свою Веру, быть ей мужем, принимать ее заботы. Но его главная забота, его интересы были рядом с Галей. От старости, от тоски, от греха уныния могла спасти только любовь, только молодость. Он привык завоевывать, брать в плен. Теперь она, Галя, забирала над ним власть. Хотела гулять-он гулял, читать-он читал, ехать купаться - послушно ехал. Они не расставались часами, днями.

Бунин был очень сложным в общении человеком. Он всегда поступал так, как ему хотелось, как он считал нужным.

Несомненно в жизни Ивана Алексеевича, бывали ситуации, когда он делил свою любовь, привязанность между двумя, а то и тремя женщинами. И теперь с Галиной и Верой Николаевной выходило похожее. И удивительно, что мужская сила заставляла обеих женщин мириться с этим положением.

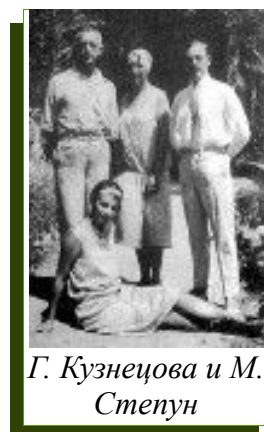
Многие, кто был в курсе бунинской семейной истории, только диву

давались мудрости Веры Николаевны, которая прилагала титанические усилия, чтобы поборов естественную неприязнь, по-христиански полюбить свою соперницу.

Галина Кузнецова, со своей стороны, тщетно пыталась обрести душевное равновесие, смириться с Верой Николаевной, не думать о будущем. Ей это тоже давалось не легко. А главное обе понимали, что их любовный треугольник все же должен распасться.

Жизнь, где на первом плане всегда был Бунин и его работа, а на втором две женщины продолжалась почти семь лет.

А закончилось все самым неожиданным образом. В их доме появилась некая Марга Степун. Она носила мужские костюмы и шляпы, сплетничала об актерах и театре. О лесбийской любви тогда знали мало, и Бунин узнав об отношениях Галины с Маргой Степун был шокирован и оскорблен. Ему, мнившему себя знатоком любовных наук, открылось нечто, о чем он даже не подозревал. Он следил за ними, и конечно для него это была мука ада. Галина вела себя поначалу невинно и скрытно, потом и скрывать было нечего. Она уходила, возвращалась, жила опять у Буниных, даже с Маргой. Позже она уехала с ней в Германию, потом в Америку. Она любила и потому делала, что хотела. Трудно сказать научил ли он ее писать, но этому научил.

Г. Кузнецова и М. Степун

Для Бунина наступили тяжкие годы любовного похмелья. Бунин долго не мог успокоиться, хандрил, пил, грезил о самоубийстве. Однако все обошлось. Отвлекаясь принялся за работу, стал снова писать. Он написал цикл «Темные аллеи»-рассказы о любви, о самом высоком и самом запутанном, а нередко и поруганном чувстве. Друг семьи Бунина свидетельствует:

«У Бунина были романы, хотя свою жену Веру Николаевну он любил настоящей, даже какой-то суеверной любовью... Ни на кого Веру Николаевну он не променял бы. И при этом он любил видеть около себя молодых, талантливых женщин, ухаживал за ними, флиртовал и эта потребность с годами только усиливалась. Автор «Темных аллей» хотел доказать самому себе, что он еще может нравиться и завоевывать женские сердца».

Сам он высоко ценил книгу «Темные аллеи». *«Думаю, что это самое лучшее и оригинальное, что я написал в жизни»*, -утверждал он.

Всю жизнь его волновали две темы: любовь и смерть. Смерть-да, она неизбежна, но всю жизнь каждый из нас стремится к счастью. Гонится за этой синей птицей и порою никак не может ее поймать. И тут следует учесть урок, который нам преподал Бунин в своем стихотворении «Вечер».

О счастье мы всегда лишь вспоминаем
А счастье всюду. Может быть, оно
Вот этот сад осенний за сараем
И чистый воздух, льющийся в окно.

В бездонном небе легким белым краем
Встает, сияет облако. Давно
Слежу за ним... Мы мало видим, знаем,
А счастье только знающим дано.

Окно открыто. Пискнула и села
На подоконник птичка. И от книг
Усталый взгляд я отвожу на миг.

День вечереет, небо опустело
Шум молотилки слышен на гумне...
Я вижу, слышу, счастлив. Все во мне.

Вот всем нам простая программа простого человеческого счастья. Не химеры, за которыми некоторые гоняются,- «мерседесы», дачи, квартиры и т.д. Нельзя конечно всего этого отрицать, но не это главное в конечном счете. Главное-сама жизнь. То, что мы видим, и то, что мы слышим. Наши близкие и любимые. Природа. «Вот этот сад осенний за сараем». Все так просто. Но эту простоту надо постигнуть. Читайте Бунина и он поможет вам.

Бунин всегда любил свою родину, тосковал по ней. В письмах и дневниках он говорит о своем желании возвратиться в Москву. Но в старости и болезнях решиться на такой шаг было не просто. Главное-не было уверенности, сбудутся ли надежды на спокойную жизнь и на издание книг. Бунин колебался. «Дело» Ахматовой и Зощенко, шум в прессе вокруг этих имен окончательно определили его решение.

Писатель на протяжении десятилетий был отлучен на родине от своего читателя, как и читатели от него. Впрочем в исключительно редких случаях, явно по недосмотру цензуры, некоторые ранние стихи Бунина «про природу» попадали в школьные и вузовские хрестоматии. Невозможно было все таки обойти его имя в лекционных курсах, но бунинское творчество подавалось однобоко. В основном упоминались все тот же «Господин из Сан-Франциско»,

поскольку в нем как бы обличались «язвы капитализма», «Антоновские яблоки», посвященные описанию «угасающих дворянских гнезд», да некоторые деревенские повести «Суходол», «Деревня», и т.д. Долгие годы читатели не знали о романе «Жизнь Арсеньева», а тем более о «Темных аллеях».

Перелом, робкий и нерешительный, наметился лишь в годы «оттепели», когда наконец в 1956 году вышло 5-ое издание собраний сочинений Бунина, так же лишенное, за немногими исключениями, произведений, написанных за 36 лет его эмигрантской жизни.

В 60-е годы вышел 9-ти томник, в котором впервые на родине писателя увидели свет его творения эмигрантской поры: роман «Жизнь Арсеньева», «Темные аллеи». Вышел он благодаря авторитету Твардовского: это был

настоящий подвиг редактора «Нового мира», «пробившего» его «в верхах».

Бунин прожил яркую и долгую жизнь. Он умер, когда ему перевалило за 80. Он любил жизнь, но любил ее скорбя, сокрушаясь по поводу ее быстротечности, ему и двух тысяч лет было мало, ведь он действительно нуждался в личном бессмертии. Он знал себе цену.

Боялся ли он смерти? К жизни он был страстно привязан, не мог примириться с мыслью, что ей настанет конец. А если и размышлял о возможном и невозможном «после», то едва ли настойчиво. В этом «после», каково бы оно не было, даже если оно будет, не будет уже того, что он

любил всем своим существом, сердцем, плотью: не будет неба, ветра, солнца, не будет повседневных мелочей существования, утрата которых казалась ему величайшим из несчастий. Был ли он религиозен? Скорее нет. Он уважал православную церковь, он ценил красоту церковных обрядов. Но не более того.

Он не торопился жить вровень с эпохой, не уступал жалкому желанию, столь часто встречающемуся даже у самых талантливых людей, быть в согласии с последней умственной модой. С величавой простотой и спокойствием он жил чуть в стороне от шумного, суетливого и самонадеянного века, недоверчиво на него поглядывая и все больше уходя в себя.

Воспоминания врача, вызванного к умиравшему Бунину, заканчиваются строками:

«Я помог привести в порядок тело и перенести его в другую комнату. Шею покойного Вера Николаевна повязала шарфиком. «Я знаю,-сказала она,-ему было бы приятно, этот шарфик ему подарила...»-и она назвала женское имя».

Удивительная женщина, Вера Николаевна Муромцева самоотверженно шла с ним его нелегкой дорогой.